

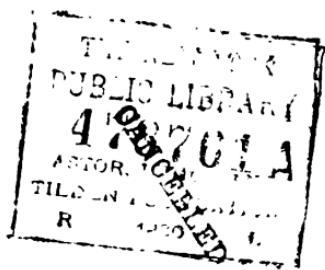
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ А. Н. ОСТРОВСКАГО

VIII

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
А. Н. ОСТРОВСКАГО**

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

САНКТПЕТЕРВУРГЪ
Въ типографіи А. А. КРАЕВСКАГО (Литейная, № 38)
1874

НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГЪ АЛТЫНЪ.

НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГЪ АЛТЫНЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Михей Михеичъ Крутицкій, отставной чиновникъ.

Анна Тихоновна, его жена.

Настя, племянница Крутицкаго.

Домна Евсигневна Мигачева, мѣщанка.

Елеся, ея сынъ.

Истукарій Лупычъ Епишкинъ, купецъ, лавочникъ.

Фетинья Мироновна, его жена.

Лариса, дочь ихъ.

Модестъ Григорьевичъ Баклушинъ, молодой человѣкъ.

Петровичъ, мелкій стряпчій изъ мѣщанъ.

Тигрій Львовичъ Лютовъ, квартальный.

Дѣйствіе происходитъ, лѣтъ 30 назадъ, на самомъ краю Москвы. Слѣва отъ зрителей уголъ полуразвалившагося, одноэтажнаго каменнаго дома. На сцену выходятъ дверь и каменное крыльцо въ три ступени и окно съ желѣзною решеткой. Отъ угла дома идеть поперекъ сцены заборъ, близъ дома у забора рябина и кустъ тощей акаціи. Часть забора развалилась и открывается свободный входъ въ густой садъ, за деревьями котораго видна крыша дома купца Епишкина. На продолженіи забора, посереди сцены, небольшая деревянная овощная лавка, за лавкой начинается переулокъ. У лавки два входа: одинъ съ лица съ стеклянною дверью, другой съ переулка открытый. Съ правой стороны, на первомъ планѣ калитка, потомъ одноэтажный, деревянный домъ мѣщанки Мигачевой; передъ домомъ, въ разстояніи не болѣе аршина, загородка, за ней подстриженная акація. Въ переулокъ видны заборы и за ними сады. Вдали панорама Москвы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Епишкинъ и Петровичъ сидятъ у лавки и играютъ въ шашики.

Мигачева стоитъ у калитки своего дома.

Епишкинъ.

Фукъ да въ дамки. Ходи!

Петровичъ.

Эхъ-ма! Прозѣвалъ.

Епишкинъ.

Ходи!

Петровичъ.

Ходи да ходи! Куда тутъ ходить? (*Раздумывая*). Куда ходить?

Епишкинъ.

Ходи!

Петровичъ.

Пошелъ.

Епишкинъ.

Вотъ тебѣ карантинъ, чтобы ты не тарантилъ. (*Входитъ Лютовъ*). Убери доску! (*Петровичъ съ доской уходитъ въ лавку*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Епишкинъ, Мигачева и Лютовъ.

Лютовъ (Мигачевой).

Тамъ заборъ у тебя, а вотъ загородка! (*Грозитъ пальцемъ*).

Мигачева.

Изъ какихъ доходовъ, помилуйте! Кабы у меня торговля, или что, да не чтобъ я... Ахъ, Боже мой! Я-бы только, Тигрій.Ільвовичъ, для одного вашего удовольствія...

Лютовъ.

А? Чѣмъ ты говоришь?

Мигачева.

Да развѣ-бѣ я не окрасила? Окрасила-бы, очень-бы окрасила.

А коли тутъ худо, въ другомъ мѣстѣ валится... а какая моя возможность? Чѣмъ я дышу на свѣтѣ?

Лютовъ.

Мнѣ чѣдѣло! Чѣтъ было окрашено!

Мигачева.

Будеть, будеть, только-бѣ малость управляться. Хорошо тому, у кого довольно награблено, оченno ему можно быть исправнымъ обывателемъ. Вотъ съ кого спрашивать-то на то. Крась да маѣ! У насъ кому любоваться-то? И народъ-то не ходить.

Лютовъ.

Безъ разсужденій! Вотъ если завтра не будеть выкрашено, я тогда посмотрю.

Мигачева.

Вотъ и живи.

Лютовъ (*обращивается къ каменному дому*).

Ужь хоть бы развалился совсѣмъ поскорѣе. (*Пожимаетъ плечами и, махнувъ рукой, отворачивается*). Эхъ. обыватели!

Епишкинъ.

Тигрію Львовичу, наше почтеніе.

Лютовъ.

Здравствуй. Истукарій Лунычъ! (*Подаетъ руку*). Тебѣ-то, братецъ, ужь стыдно! Зaborъ-то не загородишь: вѣдь, точно ворота проѣзжія.

Епишкинъ.

Оно точно, что я оплошалъ: онъ маленько развалился, а мнѣ не въ домѣкъ было; такъ ваша-жъ команда на дрова себѣ рассталаскала.

Лютовъ.

Загороди, братецъ.

Епишкинъ.

Вы себя беспокоить не извольте, будеть въ порядкѣ. Признаться, теперь въ головѣ-то не то, обѣ этихъ глупостяхъ и думать-то не хочется.

Лютовъ.

Не глупости, братецъ, коли начальство тебѣ приказываетъ.

Епинкинъ.

Понимаешьъ, Тигрій Львовичъ, да, вѣдь, ужъ и обязанностейъ нашихъ больно много. Ежели счастье теперь всѣ повинности да провинности, оклады да наклады, поборы да недоборы, торжества да празднества, такъ, вѣдь, можно и пожалѣть по человѣчеству. Съ одного-то вола семи шкуръ не дерутъ.

Лютовъ.

Развѣ я тебя не жалѣю? Я тебя-жъ берегу; деревья у тебя въ саду большія, вдругъ кому-нибудь мѣсто понравится: дай, скажетъ, удавиться попробую.

Епинкинъ.

Вѣрно изволите говорить; мѣстоположеніе заманчивое для этого занятія. Такой садъ, что ни на чѣмъ окромя и не годенъ. Я ужъ и то каждое утро этихъ самыхъ фруктовъ поглядываю.

Лютовъ.

Ну, такъ ты народъ-то не искушай! Слѣдствіе, братецъ; понялъ? А я тебѣ этой бѣды не желаю.

Епинкинъ.

Ужъ чѣмъ говорить! Ну, да думаю, Богъ милостивъ.

Лютовъ.

Кабы ты чистый человѣкъ, а то... Я, братецъ, ничего не знаю, я ничего не знаю, а чай, слышалъ, какой разговоръ-то про тебя насчетъ притону-то?

Епинкинъ.

Мало-ли всякихъ разговоровъ-то! И про ваше благородіе тоже кой-что поговариваются; да мы, признаться, вниманія не бѣремъ и слушать-те.

Лютовъ.

Такъ ужъ ты загороди; побереги хоть меня-то, колѣмъ себя не бережешь; съ нась тоже, вѣдь, спрашиваются.

Епинкинъ.

Не изволите беспокоиться! Ст旤нъ-ли обѣ такихъ пустякахъ разговаривать! Милости просимъ на полчасика! Особенной подчіивать могу.

Лютовъ.

Но позже зайду, теперь некогда. (*Подаетъ руку*).

Епишкинъ.

Какъ угодно-съ. Завсегда рады, завсегда вы у насъ первый гость. Поискать еще такихъ-то благодѣтелей. (*Лютовъ уходитъ*). Терпить-же, вѣдь, земля, Господи! (*Уходитъ въ лавку; изъ лавки выходитъ Фетинья*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Мигачева и Фетинья.

Мигачева.

Здравствуйте, матушка, Фетинья Мироновна!

Фетинья (гордо).

Здравствуй!

Мигачева.

Куда Богъ несетъ?

Фетинья.

Такъ, для воздуху, у лавочки посидѣть. А ты куда?

Мигачева.

Куда мнѣ! Сына поглядываю.

Фетинья.

На что онъ тебѣ?

Мигачева.

Поругать хочется, Фетинья Мироновна.

Фетинья.

Послѣ поругаешь, не къ спѣху дѣло.

Мигачева.

Боюсь, сердце-то пройдетъ; сердце-то у меня круто да отходчиво. А теперь-бы онъ мнѣ въ самый разъ попался: въ разстройство-ствѣ я.

Фетинья (подсодѣ).

Что такъ?

Мигачева.

Квартальный, матушка, разобидѣль; пристаетъ, заборъ красть, отдыху не даетъ. Какіе мои доходы, сами знаете: одинъ ломъ, да и тотъ валится. Четверо жильцовъ, а что въ нихъ про-

ку-то! Вотъ, Петровичъ—самый первый жилецъ, а и тотъ только за два съ четвертакомъ живетъ. Ну, опять возьмите вы подземельныя. Все-бъ еще ничего, да, вѣдь, домъ-то заложенъ, процентъ одолѣлъ.

Фетинья.

Заложенъ?

Мигачева.

Заложенъ.

Фетинья.

Скажите!

Мигачева.

Третій годъ я вамъ говорю, Фетинья Мироновна, одно и то-же; а вы все будто не слыхали, да все удивляетесь.

Фетинья.

Ахъ, рѣдкости какія! Коли у меня такой характеръ, чтò-жъ мнѣ дѣлать-то! А то такъ тебѣ и дать одной все поряду говорить! Этакъ ты всю матерію скоро разскажешь. А нынче день-то годъ, пущай поговоримъ, куда намъ торопиться-то; а время-то и пройдетъ, будто дѣло дѣлали.

Мигачева.

Помощникъ-то у меня, сами знаете, одинъ.

Фетинья.

Одинъ? И то, вѣдь, одинъ.

Мигачева.

Да и тотъ не важный, такъ, какая-то балалайка безструнная. Ну, еще по дому кой-что ҳозяйничаетъ, а ужъ на сторонѣ достать чтò-нибудь, на это разуму у него нѣть. Думала вѣ люди отдать, хоть вѣ лавку, да сама не при чемъ останешься. А онъ, все-таки, и подѣлить, и подкрасить, и подколотить.

Фетинья.

Чего-жъ тебѣ лучше?

Мигачева.

За одно у насть съ нимъ война, вдругъ провалится, неизвѣстно кудा. Синицъ по огородамъ ловить, рыбу на Москвѣ-рѣкѣ ловить; а тутъ его, какъ на грѣхъ, нужно, ну, и пошла баталия.

Фетинья.

Молодъ еще. Женила-бъ ты его.

Мигачева.

Женить! Лестно взять жену-то съ деньгами, хоть съ небольшими; а кто-жь отдастъ за него, кому крайность!

Фетинья.

Нѣть, ты не говори. Бывають случаи. Другая дѣвушка и съ деньгами, да порокъ какой-нибудь въ себѣ имѣТЬ: либо косить очень: одинъ глазъ на насть, другой въ Арзамастъ, либо вовсе крича; а то, бываетъ, что разумомъ недостаточна, дурой не назовешь, а и къ умнымъ не причтешь, такъ, полудурье; ну, вотъ и ищутъ жениховъ-то попроще, чтобъ невзыскательный былъ. А бѣдному человѣку поправка.

Мигачева.

Бываетъ людямъ счастье, да не намъ.

Фетинья.

У тебя, все-таки, сынъ, чѣмъ тебѣ горевать-то? Такъ развѣ когда, отъ скучи, поплачешься для разговору только для одного. А вотъ наша забота съ дочкой-то.

Мигачева.

Такъ вы съ деньгами.

Фетинья.

Чудная ты, и съ деньгами не беруть. (*Со вздохомъ*). Мало-ль ее смотрѣли-то, Домнушка!

Мигачева.

Какая-жь причина? Такая ея красота...

Фетинья.

Ужь чего спѣ! Иоглядѣть любо-дорого, самый первый вкусъ. Одно бѣда—разговоромъ нескладна. Кабы только съ глазъ брали, такъ, кажется, ее давно-бы съ руками оторвали; а поговорятъ, ну, и прочь, и прочь. Войдетъ — удивить, убѣть красотой всякой; а скажетъ слово, такъ и сразить, такъ съ ногъ и сразить. А ужь какъ выдать хочется.

Мигачева.

Вамъ чѣ, вы свою сбудете. А вы возьмите сосѣдку, вотъ маest-ся съ дѣвушкой-то, вотъ гдѣ слезы-то!

Фетинья.

Ужь чѣмъ только онъ живы, бѣдны!

Мигачева.

Чѣмъ живы? Выработаютъ гриненникъ, купятъ калачика, тѣмъ и сыты.

Фетинья.

Какъ-бы, мнѣ кажется, у старика денегъ не быть; вѣдь, онъ чиновникъ, съ кавалеріей, гляди, пенсію получаетъ.

Мигачева.

Кто его знаетъ. Отъ него толку не добѣшься, онъ и не говорить ни съ кѣмъ, только ругается да ворчитъ. Бродить весь день по Москвѣ, только почевать домой приходитъ.

Фетинья.

Я разъ пду городомъ, а онъ у Казанскаго собора съ нищими стоять.

Мигачева.

Съ нищими? Вотъ, вѣдь, дѣла-то какія!

Фетинья.

Съ чего онъ въ такой упадокъ пришелъ?

Мигачева.

Всѣ только руки врозь, матушка. Его въ папей сторонѣ всѣ знаютъ; у него здѣсь свой домъ бытъ, лошади хороши. Служилъ онъ въ какомъ-то судѣ секлетаремъ, ну, и отставили его за взятки, что ужь очень грабилъ. Анил Тихоновна сказывала, что и стать онъ съ той поры сумѣваться, какъ ему жить безъ дохода. Продалъ домъ, лошадей, стать деньги въ проценты отдавать. Пожалили мы, говорить, день ото дня хуже: переехали въ одну комнатку, прислугу всю онъ распустилъ, а тамъ ужь и кухарку солгать. И пришлося Аннѣ Тихоновнѣ самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потомъ и совсѣмъ, говорить, дома стряпать перестали, купимъ что-нибудь, въ лавочкѣ и поѣдимъ, а когда и такъ просидимъ. А теперь вотъ къ намъ въ сосѣдство перебрались; домъ-то этотъ еще съ француза въ тяжбѣ находится, такъ съ тѣхъ поръ безъ починки и безъ всякаго призрѣнія и стоять такъ Михея Михеича затаромъ пустили, чтобы онъ только на дѣрѣ присматривалъ, кирпичи подбирать, да въ кучку складывать.

Фетинья.

Чтò мы живемъ! Мы отъ жиru и Бога-то забыли, а ты попробуй, воть таcъ поживи.

Мигачева.

Ну, старуха-то ужъ притерпѣлась, а каково дѣвушкѣ-то?

Фетинья.

Да откуда она у нихъ взялась, скажи ты мнѣ на милость?

Мигачева.

Она Михею племянница родная, сирота. Какъ случилась съ нимъ бѣда, погнали его со службы, ее и взяла крестная мать, барыня богатая.

Фетинья.

Богатая?

Мигачева.

Богатая. И воспитывала ее съ дочерьми своими въ полномъ достаткѣ. Воть какъ выросла эта Настенька, и возненавидѣла ее барыня за красоту, что на Настеньку всѣ прельщаются, а на ея дочерей нѣть, и прогнала ее безъ всякаго награжденія. А пре, жде обѣщала замужъ ее выдать. Да мнѣ Анна Тихоновна сказывала, что у Настеньки ужъ и женихъ былъ, молодой человѣкъ-хорошаго рода. Пріѣхала Настенька въ эту конуру разряженная, въ перчаткахъ... И сѣсть-то боится, и дотронуться-то до всего ей гадко... Всплеснетъ, всплеснетъ воть такъ руками, за голову ухватится, да и упадеть безъ памяти. Больна съ мѣсяцъ лежала, насилиу оправилась. Ну, разумѣется, дѣвушка избалованная, и кофейку, и чайку, того, другого, воть тетка-то всѣ ея платьница, колечки, сережки и продавала: за безцѣночъ шло, даже жалость смотрѣть. А теперь, ужъ, видно, не до чаю, и хлѣбъ-то имъ стать въ диковинку. (*Крутинкій показывается на крыльце*). Воть старый куда-то собрался, изъ дома вынолзъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мигачева, Фетинья и Крутинкій.

Крутинкій (*въ полурасторкнутую дверь*).

Ты, смотри, никуда не смѣй! Боже тебя сохрани! Скучно дома,